Мы уже отмечали, что вопрос о византийских памятниках в Болгарии и о византийском влиянии не исчерпывается упомянутыми находками. Произведенные в последние годы большие археологические раскопки важных средневековых объектов ¹³⁶, наряду с другими данными, дают нам новые и интересные материалы для выяснения роли и значения византийских влияний в болгарском государстве в период средневековья.

В этом кратком обзоре мы не имели возможности более подробно остановиться на всех интересных проблемах, которые возникают при рассмотрении памятников и которые недостаточно четко поставлены в некоторых публикациях. Будущее изучение этих памятников приведет к разрешению поднятых вопросов и еще раз подчеркнет большое значение болгарских земель в изучении истории как материальной, так и духовной культуры Византии.

В. Велков Перевод с болгарского К. В. Хвостовой

F. PRINGSHEIM. ZUM PLAN EINER NEUEN AUSGABE DER BASILIKEN

Berlin, Akademie verlag, 1956, 51 S.

Ф. Прингсгейм — германский филолог, знаток византийского права. В 30-х годах он поставил себе задачу приступить к критическому переизданию Василик. Принципы, которые должны были бы лечь в основу этого издания, Ф. Прингсгейм сформулировал в 1937 г. в докладе, представленном Прусской академии наук. Ряд обстоятельств (переезд в Оксфорд, затем война) прервали его деятельность в этом направлении, и доклад 1937 г. издан только в 1956 г.

К сожалению, доклад опубликован без всяких изменений. А ведь за эти 20 лет и в византиноведении вообще и в отношении издания Василик появилось очень много нового. Мы имеем в настоящее время три тома нового издания Василик, осуществляемого голландским ученым Г. Я. Шельтема. И, конечно, было бы очень интересно, если бы такой специалист, как Ф. Прингсгейм, хоть в примечаниях высказал бы свои соображения о том, насколько новое издание Василик удовлетворительно с точки зрения тех положений, которые выдвинуты в докладе.

И тем не менее работа Ф. Прингсгейма, затрагивающая ряд важных вопросов, связанных с изучением и оценкой Василик, представляет интерес для всех исследователей источников византийского права.

Во введении дается краткая история возникновения Василик. Затем автор переходит к вопросу о значении схолий. Особенно останавливается он на значении так называемых «старых» схолий. Именно эти схолии, по его мнению, исключительно важны для юридической науки, поскольку в них сохранилось то понимание законов, которое было присуще юристам VI в., принимавшим участие в составлении Corpus Juris Civilis. «Старые» схолии, по Ф. Прингстейму, дают возможность понять «дух» юридической науки VI в. «Новые» схолии Ф. Прингстейм считает значительно менее важными.

¹³⁶ Д. П. Димитров. Последните археологически разкопки в България. София. 1955, стр. 32—50; Н. Мавродинов. Раскопки и исследования в Болгарии. САт. XXIV, 1955, стр. 132—154; Kr. Miatev. Archeologia bulgară în ultimi X ari «Studii și cercetări de istorie veche», v. VII, 1956, р. 207—215.

По мнению Ф. Прингсгейма, главная трудность издания Василик состоит в том, что нет подлинного текста; сохранившиеся же рукописи X—XV вв. передают текст и схолии отдельных книг на разных этапах изменения содержания Василик. Очень интересна изложенная в брошюре критика издания Василик Геймбаха. Указывается на то, что Геймбах слишком доверял Фаброту и перепечатывал его материалы, не проверяя по рукописям. Важнейшая рукопись Coisl. 1 была только частично переписана братом Геймбаха и потому не могла быть использована. Все краткие примечания и схолии в важной рукописи Cod. Paris. 1352 опущены как Фабротом, так и Геймбахом. При наличии разночтений в рукописях Геймбах иногда давал комбинированный текст, который не соответствовал ни одной рукописи. Кроме того, ряд рукописей вообще не учтен Геймбахом.

Обзор истории попыток переиздания Василик в 30-е годы имеет те-

перь только историографический интерес.

Говоря о задачах нового издания Василик, Ф. Прингсгейм опирается на гипотезу Петерса о наличии «Катене» Анонима, который приблизительно в 600 году составил «сумму» Дигест вместе с целой цепью схолий VI в. Гипотеза «Катене» Анонима в глазах юристов повышает значение «старых» схолий, поскольку текст этих схолий представляется не переложением комментаторов Василик, а подлинным текстом VI в. Поэтому Ф. Прингсгейм считает, что в новом издании особенно важно восстановить текст «Катене» Анонима. Именно эта «Катене» Анонима по Петерсу и является основой текста и схолий Василик. После составления Василик, в 890 г., к «Катене» Анонима присоединили другие схолии из высказываний юристов VI в. Это, так сказать, второй этап составления Василик: «Катене» 890 г. Около 1200 г. обозначился третий этап, — когда стали присоединять «новые» схолии. Это «Катене» 1200 г. Затем начинается последний этап — смешения «старых» и «новых» схолий.

Нельзя сказать, что имеются солидные доказательства правильности этой схемы. В парижских рукописях Василик схолии представляют как бы двойную цепь: между строчками — старые схолии и на краях («внешние») — новые. Но, как выяснил Ласон, нельзя абсолютизировать это положение: в межлинейных схолиях попадаются и новые, а среди «внешних» — старые. Самое разделение возникновения схолий на 3 этапа не может быть убедительным. Трудно говорить о «Катене» 890 г., если (как признает сам Ф. Прингсгейм) Василики представляли собою первоначально текст без схолий. А комментирование основного текста Василик, начавшееся, по-видимому, в Х в., могло использовать как «Катене» Анонима, так и указания на Прохирон и новеллы Льва VI. Непонятно, почему новеллами Льва VI могли интересоваться комментаторы Василик только около 1200 г., а не в Х в.? Незначительное количество рукописей не дает возможности строить выводы ех silentio.

Но суть не в том, правильна ли или неправильна эта схема, а в тех целях, которые ставит перед издателями Василик Ф. Прингсгейм. По его мнению, главной задачей нового издания является палингенезис восточноримских юридических трудов (стр. 48). Это вытекает из общей оценки Прингсгеймом Василик, которые он не признает документом действующего права и нигде не считается со значением схолий в судебной практике. Между тем, вопрос о том, были ли Василики действующим правом в Византии X и последующих веков, по нашему мнению, не может вызывать разногласий. Положения Книги Эпарха неопровержимо доказывают, что в основу официального права в X в. включали только Прохирон и Василики. Из Пиры мы узнаем, что в XI в. судьи судили по Василикам. По Василикам составляли документы табулярии. В XII в. Василики призна-

вались единственным законным сводом действующего права (новелла Мануила № 10, 2). Поэтому единственно правильным необходимо считать мнение Бергера (А. Вегдег. Studi sui Basilici. «Jura», № 5, 1955), который считал юстинианово право отмененным в судебной практике, но усиленно изучавшимся в юридических школах для толкования законов.

Ф. Прингсгейм совершенно не задает вопрос, для чего вставлялись схолии, как «старые», так и «новые». Между тем, от этого зависит принципиальный подход к оценке характера схолий. Мы считаем, что целью комментирования Василик, в первую очередь, являлись практические потребности. Если краткий текст Дигест и Кодекса в передаче Василик был несколько непонятен для судьи, то вполне естественно было познакомиться с более подробным текстом или толкованиями закона; это приводило к появлению «старых» схолий. Но судьям необходимо было знать, какие законы отменены последующим законодательством и какие изменены, — это приводило к появлению ряда «новых» схолий. Необходимо было также разъяснение старинных юридических терминов, которые в новых условиях получали иное осмысление. Издание Василик было вызвано потребностями жизни. При наличии развитого товарного производства, денежного обращения, сложных отношений в сделках и соглашениях в таких городах, как Константинополь, Фессалоника, Трапезунд, изложение гражданского права было совершенно необходимо. В связи со всем только что сказанным ясно, что при издании Василик надо всячески стараться избежать опасности идентифицировать греческое переложение Corpus Juris Civilis, предпринятое в VI в., с текстом Василик. Между тем, Ф. Прингсгейм имеет в виду именно палингенезис юридических документов VI в.

Но, с другой стороны, нужно считаться и с потребностями иного рода, не связанными с практической деятельностью судей и нотариусов. Мы говорим о схоластическом методе, господствующем при изучении права в поздней Византии. В 1045 г. в Константинополе была основана юридическая высшая школа, которая заменила тот тип обучения праву, о котором говорится в Книге Эпарха и который в основном имел практические задачи. При господстве схоластики, преподавание права в Константинополе не могло быть поставлено иначе, чем схоластически. Проявить совершенно оторванную от жизни схоластическую ученость, привести мнения старинных авторитетов VI в., старинными учеными терминами запутать вопрос, вместо того чтобы разъяснить, — это характерно для ряда рукописей Василик. Именно такой характер схолий, совершенно не связанных с практикой, исключительно представляющий схоластическую ученость, мы видим в Константинопольском кодексе, изученном Цахариз и, по-видимому, в Cod. Vatic. 1566. Да и вообще отпечаток схоластической учености лежит на громадном количестве схолий в большинстве рукописей Василик.

Как разъясняется в схолиях терминология права? Можно было бы ожидать, что латинские термины разъясняются их более знакомыми греческими эквивалентами. Но на деле мы видим обратное: в подавляющем количестве случаев, наоборот, греческие термины «разъясняются» латинскими. Очень часты ссылки на Дигесты и Кодекс, написанные на латинском языке. Все это интересно было ученому, исследующему источники права, но не для практической деятельности судей. Все эти схоластические «пояснения» текста являлись так называемыми «старыми» схолиями.

Самое понимание Ф. Прингсгеймом выражений «старые схолии» и «новые схолии» требует уточнения. Имеется ли в виду время включения в Василики схолии или же древность источника данной схолии? Так, схолия к Ваs., XXVIII, 2, 2 (о задатке — ἀρραβών) передает содержание

новеллы Льва VI (№ 18). Ряд подобных схолий (XXVIII, 4, 21, сх. 28; LX, 58, 1, сх. 4; LX, 57, 1, сх. 1; LX, 51, 34, сх. 1 и 4; LX, 45, 10, сх. 3 и др.) могли быть включенными уже в X в., раньше, чем другие, так как в них ощущалась потребность при разрешении практических задач судопроизводства. С точки эрения времени включения, такие схолии могли быть самыми «старинными». Наоборот, схолии из сумм ученых VI в. могли быть включенными схоластиками в самое позднее время. В схеме Петерса—Прингсгейма смешиваются эти два понятия. Следовательно, основа периодизации Петерса—Прингсгейма, которая покоится на противопоставлении «старых» и «новых» схолий, как мы видим, весьма зыбкая.

Ф. Прингсгейм придает большое значение в определении древности текстов наличию латинских терминов и выражений. Но и это, как мы сейчас увидим, само по себе не решает вопроса. Нельзя, конечно, отрицать, что начиная с конца VII и до середины X в. византийская письменность в эначительной степени оторвалась от латинских терминов и выражений. Об этом, например, прямо говорит Константин Багрянородный, упоминая (и видимо с осуждением), что византийские императоры после Ираклия стали переводить латинские названия на греческий язык: "καί έλληνίζοντες καὶ πάτριον καί 'Ρωμαικὴν γλῶτταν ἀποβαλόντες... κεντουρίωνας τοὺς ἑκατοντάρχους καὶ κόμητας τοὺς στρατηγούς... (Constantinus Porphyrogenitus, De thematibus. Bonnae, р. 13). В «Эклоге» иконоборцев латинских терминов (за исключением таких, как «пекулий», «куратор», уже вошедших в греческий язык) действительно совершенно нет. Греческую терминологию мы видим и в Прохироне и Эпанагоге. Почти не заметна латинская терминология и в новеллах Льва VI. Все это говорит о том, что традицией IX в. была не латинская терминология, а греческие переводы. Но развитие юридических знаний в конце IX в., своего рода «возрождение» интереса к старинным юридическим текстам, выэвало традицию обратного перевода греческих терминов на латинские. Мы имеем яркий пример, показывающий, что в тексте Василик латинские выражения заменялись греческими и только в последующих схолиях греческие выражения вновь переводились на латинские. В Василиках LX, 1, 1 случайно переданы и подлинный текст Анонима (VI в.), и тот же текст, как он был передан компиляторами

Аноним (схолия к Bas. LX, 1, 1):

ό 'Ανώνυμος οὕτως ἔχει: ὑπόχειται δὲ χαὶ τῷ 'Ιουλίφ ῥεπετουνδόρουμ εἴτε πρὸ τοῦ συστῆναι τὴν δίχην, εἴτε μετὰ ταῦτα λάβη......

Василики (LX, 1, 1):

ύπόχειται δὲ καὶ
τῷ νόμῳ κατὰ ἀρχόντων ἢ
συνέδρων ἐν δίκη κεκλυφότων,
εἴτε πρὸ τοῦ συστῆναι
τὴν δίκην, εἴτε μετὰ ταῦτα
λάβη.....

Данный пример показателен: составители Василик изменили текст Анонима применительно к пониманиям и традициям IX в., а более поздний комментатор в схолии обратил внимание на то, что подлинный текст Анонима был иным: т. е. обратился к терминологии VI в. Подобный же пример из другой схолии:

Аноним (схолия LX, 1, 8):

ό 'Ανώνυμος οὕτως ἔχει:
καὶ τῆ ἰμφάκτουμ ὑπόκειται
καὶ πρὸς τὸ ἀμάρτημα τιμπρεῖται...

Василики LX, 1, 8:

είς τὸ άπλοῦν ὑπόκειται καὶ πρὸς τὸ άμάρτημα τιμωρεῖται Таким образом, мы видим, что латинскую терминологию приводили не только в «старых» схолиях. Латинские термины приводились для «разъяснения» греческого текста Василик и в самых поздних схолиях (XIII—XIV вв.). Если в схолиях приводится ссылка на латинский термин и при этом указывается на текст из Василик (а не Дигест и Кодекса), то, безусловно, такая схолия— «новая». Например, схолия к Ваз. II, 2, 5 разъясняет греческий текст латинской терминологией: διὰ τὸ ποστλιμίνιους со ссылкой на Василики XXXIX, 2, 6, но в данном месте в тексте нет такого латинского термина, там имеется греческий термин ἀναλήψεως. Подобных латинизирующих схолий чрезвычайно много.

Схолий, специально предназначенных для школьного изучения Василик, значительно больше, чем схолий для практического употребления в судебной практике. Особенно удобны были для высшей школы схолии из Анонима, где почти всегда давались ссылки на книгу, титул и главу Дигест, Кодекса и Новелл. Но и схолии другого типа встречаются нередко, особенно там, где речь идет о наказаниях. Так, в схолии к Ваз. LX, 48, 4 говорится о замене смертной казни материальным взысканием. В схолии к LX, 51, 34, сх. 4 наказание ссылкой на каторжные работы противопоставляется отрезанию носа.

Ф. Прингсгейм говорит о Doppeltkatene некоторых рукописей, противопоставляя внутреннюю цепь схолий внешней, написанной другой рукой, Однако это противопоставление не может быть основой для признания более старинными схолий внутренней цепи: ведь при большом количестве внешних схолий источником их могла быть другая рукопись, может быть, более старинная. Мы можем представить себе такую картину: студент высшей юридической школы имел рукопись Василик с схоластическими ссылками на труды VI в. Но потом, став судьей и понимая, что ему нужны схолии другого типа, заимствовал из другой, более старинной рукописи схолии, более близкие по времени (в отношении источников) и более пригодные для судебной деятельности.

Следовательно, ни положение схолии в рукописи, ни латинская терминология не могут дать неопровержимого критерия для определения «этапа» развития текста Василик. Единственно, что историк права и историк социальных и в частности имущественных отношений в Византии может пожелать от нового издания, — это точной передачи каждой схолии, каждого примечания, встречающихся в рукописях, с указанием как рукописи, так и местоположения схолии в рукописи и почерка. Только комбинируя все эти данные, историк может решить, следует ли данную схолию использовать в качестве источника для внутренней истории Византии VI или X в., или же более поздних веков.

Ф. Прингсгейм на первый план ставит вопрос о схолиях. Между тем, как нам кажется, наиболее важной для историков и юристов является проблема первоначального текста Василик. Мы не согласны с Ф. Прингсгеймом, что эта проблема неразрешима, поскольку рукописи нам передают текст Василик на разных этапах его развития. По нашему мнению, вполне возможно установить некоторые исходные положения, которые помогли бы определить первоначальный текст.

Напомним прежде всего, что источники конца IX в. определенно свидетельствуют о том, что в правящих кругах Византии того времени было стремление приблизить законы к потребностям жизни. В новелле 95 Лев VI писал: «жизненные потребности вызвали появление древнейших законов... изучение случаев, встречающихся в жизни, приводит к изданию законов». Эта же мысль развивается и в предисловиях в Прохирону, Эпанагоге и Василикам. Разумеется, юстинианово законодательство в об-

ласти гражданского права в целом вполне удовлетворяло потребности византийских крупных торговых центров и их периферии, охваченной товарными отношениями. Поэтому и Василий I и Лев VI в законодательстве стремились по возможности точнее и полнее передавать юстинианово право, совершенно справедливо полагая, что для потребностей тогдашней жизни нельзя, да и не к чему, придумывать новые законы, раз существовали в готовом виде классически четкие, предусматривающие мельчайшие детали юстиниановы Дигесты, Кодекс и Новеллы. Но не все положения юстинианова права могли удовлетворять потребности господствующих классов в изменившихся условиях. Очищение законов от всего несоответствующего, устарелого было важной задачей кодификаторов права. И Василий I и Лев VI говорили именно об «очищении законов». И в поздних схолиях редакторы Василик называются $\mathring{a}_{yaxa}\vartheta \mathring{a}\rho \rho ay \tau \epsilon \varsigma$ (Вав., XI, 1, 70, сх. 2). Для историков, разумеется, очень важно было бы определить, что при составлении Василик было выпущено, что изменено при использовании юридических документов VI в.

В связи с этим перед нами встает проблема, какой текст (более полный или сокращенный) приближается к первоначальному? На первый взгляд вопрос решается просто — последующие рукописи сокращали первоначальный полный текст Василик. Ф. Прингсгейм считает это положение очевидным и нисколько не задается вопросом, почему Сод. Атвором, содержащий 16—60 книги, передает сокращенный, а не приближающийся к первоначальному текст; почему Сод. Соізі. 152 считается более приближающимся к первоначальному, чем краткий Сод. Paris. 1352? Если же судить по Прохирону и Эпанагоге, законодательство IX века не имело в виду грандиозные собратия полных текстов старинных законов. Это подтверждается и тем обстоятельством, что кодификаторы взяли за основание не полный перевод Дигест Стефаном, а весьма сокращенное изложение Дигест Анонимом Мы имеем, кроме того, ряд данных полатать, что с течением времени текст Василик не сокращался, а, наоборот, разрастался, все время приближаясь к подлинному тексту юстинианова законодательства.

Дело в том, что в юридической школе, основанной Мономахом, право Василик изучалось в свете юстинианова. Об этом прямо говорит сохранившийся трактат Meditatio de nudis растів (μελέτη περὶ ψιλῶν συμφώνων): сначала нужно изучать Дигесты, без изучения которых невозможно понять текст Василик. И только тогда, когда Василики противоречат Дигестам, или вводят новое, нужно отдавать предпочтение Василикам. Таким образом, признавая Василики единственно законным действующим правом, в основу изучения их брали юстинианово законодательство. При этом изучение проводилось в порядке книг и титулов Василик. Поэтому, хотя нумерация книг и титулов Василик и оставалась, но отдельные главы изучались в дополненном виде, по соответствующим текстам Дигест и Кодекса. Естественно, что при этом комментарии в рукописях сливались с первоначальным текстом, и текст Василик в деталях все более и более приближался к юстиниановым источникам. И в результате с Василиками произошло как раз то, чего боялся и чего избежал по-видимому Юстиниан: Василики обросли таким слоем старинного законодательства, которого как

¹ И Петерс, и Прингсгейм склонны полагать, что в части Дигест составители Василик просто переписали Анонима. Но мы видели выше, как кодификаторы переделывали текст Анонима, приближая его к пониманию людей IX в. Мало того, нужно полагать, что кое-какие места были выпущены кодификаторами. Так, например, в текст Василик LX, 3, 1 включено введение Dig., IX, 2, 1, тогда как следующая после введения статья 1 этой главы в текст не включена. Но комментатор Василик включил эту статью в схолии, отмечая, что схолия взята от Анонима. Очевидно, текст Анонима был полнее, чем передан в Василиках.

раз не имели в виду инициаторы кодификации в IX в. При Василии I и при Льве VI стремились изъять все неподходящее, а схоластические комментаторы снова приводили законодательство к тому виду, который был в VI в. В случаях, когда в Василиках некоторые детали статей Дигест выпускались, комментаторы в схолиях прибавляли πρόσκειται εἰς τὸ πλάτος (LX, 3, 27, сх. 25).

Геймбах считает, что все места, включенные в текст из перевода Стефана, первоначально были схолиями (т. VI, 128). Наглядным примером, как схолия присоединяется впоследствии к тексту, является место из Ваз. LVIII, 11, 14, где передана новелла Льва VI № 71.

Есть пример и того, как текст Василик вновь стремились приблизить к юстинианову своду. Так, по древнейшим рукописям (Ambr., Venturi) и Синопсису (X в.) «Морской закон» включен в LIII книгу Василик (§ 8). Можно полагать, что в X в., т. е. с самого начала действия Василик, казусы из морской торговли регулировались Морским Законом. Но позднее Закон родоссцев в некоторых рукописях Василик не упоминается вовсе.

Полностью ли передавались в Василиках Новеллы Юстиниана? Новеллы написаны были на греческом языке, и потому издатели не нуждались в переводах и «суммах». Однако в некоторых книгах новеллы даны не по подлиннику, а по сумме Феодора. В Синопсисе даны отрывки из новелл, но почти дословные. Следовательно, можно думать, что новеллы более или менее дословно переданы в Василиках. Однако мы не можем сказать с уверенностью, что это было так. Правда, в индексах иногда говорится, что такая то новелла приведена «полностью» в таком то титуле ($\delta \lambda \eta$ уехра). Но эти слова — $\delta \lambda \eta$ уехра, — по нашему мнению, не означают, что данная новелла передана вся, слово в слово, но только то, что данная новелла сосредоточена в одном титуле, а не разбросана по разным книгам и титулам. Относительно таких новелл, материал которых используется в разных книгах и титулах, ни в одном индексе не говорится, что они приведены как $\delta \lambda \eta$ уехра (например, новеллы 18, 22, 49, 53, 60, 97, 112, 113, 115, 118, 119, 123, 127, 131, 134 и др.).

Не затронут у Прингсгейма и вопрос о нумерации статей внутри титула, а между тем различие в нумерации должно быть учтено при определении первоначального текста Василик. Так, например, текст присяги по изданию Геймбаха стоит в VI кн. Василик под № 50, в Cod. Marc. gr. 179 под № 29, в издании Фаброта — под № 31. Не дает ли это основание допускать, что шестая книга Василик у Геймбаха (по Cod. Coisl.) приведена в значительно увеличенном, дополненном виде в сравнении с первоначальным текстом?

Ф. Прингсгейм (стр. 31), на основании того факта, что древнейшая (палеографически) рукопись дает самый краткий текст, допускает существование с самого начала двух вариантов Василик — краткого и полного. В свете всего сказанного выше, не вернее ли предполагать, что первоначально существовал только весьма краткий текст, и что лишь в дальнейшем юристы, деятельность которых после восстановления юстинианова права в Василиках стала бурно развиваться, начали вносить дополнения из первоисточников. Следует принять во внимание, что кодификаторы Василик, на которых была возложена важная задача исключить из законов все устарелое, выполнили свою работу небрежно, что правительство Льва VI, которое первоначально столь энергично взялось за дело «очищения законов», впоследствии, под влиянием обострений отношений с церковью, уже перестало интересоваться этим делом, — и что юристы-кодификаторы были предоставлены самим себе. В таких условиях дальнейшие дополнения и исправления были совершенно неизбежны. Состояние спи-

сков было уже в XII в. таково, что Вальсамон, например, не мог точно определить, принята ли данная новелла Василиками или отвергнута. В одном случае он ссылался на ту новеллу, которую в другом месте считал не включенной в Василики. Очевидно, при комментировании разных документов канонического права, Вальсамон пользовался разными списками Василик ².

Все эти соображения приводят нас к мысли, что хотя вопрос о первоначальном тексте Василик и не может быть просто разрешен издателями Василик, но при длительном и внимательном исследовании текстов, схолий и прочих источников того времени, он все же может быть решен. Но при этом, конечно, исследователи не должны исходить из какой-либо предвзятой идеи (например, что сокращенные тексты являются поэднейшими и потому отбрасывать их; что основная задача — восстановить текст Анонима и т. д.).

Если же мы будем, подобно Ф. Прингсгейму и Лосону, видеть в Василиках только документ, передающий позднеримскую письменность, и палигенезис литературы VI в. считать основной задачей переиздания Василик, мы отойдем от тех целей, которые имели редакторы Василик, и от правильной оценки той роли, которую сыграли Василики в хозяйственной и социальной жизни крушных торговых центров Византии после X в.

М. Я. Сюзюмов

BASILICORUM LIBRI LX. SERIES B, VOL. I: SCHOLIA IN LIBR. I—XI, EDIDIT H. J. SCHELTEMA; SERIES B, VOL. II: SCHOLIA IN LIBR. XII—XIV, EDIDERUNT H. I. SCHELTEMA ET D. HOLWERDA

Groningen, 1953-1954, IX, 448 S; VI, 449-838 S.

Василики, «императорские» законы Льва VI, являются по существу компиляцией более ранних обработок Corpus Juris Civilis в той мере, в какой они сохранили силу. Василики объединили в соответствующие титулы законы, входившие в различные части юстинианова свода. Этим было завершено проявившееся еще в предыдущие века стремление приспосабливать юстиниановы законы к новым условиям.

Значение этого свода законов, опубликованного по императорскому предписанию около 900 г., заключается не только в том, что он сохранил юстинианово право, но больше всего и главным образом в наличии обширных схолий, наиболее старые части которых восходят еще к VI в. и являются, таким образом, схолиями к Corpus Juris, а более поздние части — комментариями юристов периода вплоть до XII в. Таким образом, Василики знакомят нас, с одной стороны, с творчеством юристов юстинианова периода и периода, непосредственно следующего за юстиниановым,

² Интересно отметить также, что тот же Вальсамон возмущался (см. Толкование на 2 канон Трулльского собора), что из разных «многословных» книг в Номоканон включалось много таких законов, которые не были приняты Василиками. Такие «многословные» книги рекомендовалось сжигать как опасные (для церкви было само собой разумеющимся, что нельзя включать в законодательство такие места из Дигест, кодекса и новелл, которые шли вразрез с канонами последующих соборов). Вальсамон прибавляет, что такие слишком полные, многословные книги он видел у достойных уважения людей, — очевидно, у юристов-комментаторов.